

Юлия ГАМЕРМАН

аспирант кафедры литературы

Когда читаешь стихи настоящего поэта, то постепенно ощущаешь, что они становятся частью тебя самого, а человек, их написавший, делается родным. Это чувство удивительного родства я испытала после знакомства с творчеством Л.А. Завальнюка. А когда в марте 2004 года впервые встретила с Леонидом Андреевичем, поняла, что именно таким его и представляла: необыкновенным. Необыкновенно скромным человеком, интересным собеседником с необыкновенной улыбкой и спокойным, добрым взглядом. Мы пили чай и разговаривали обо всём на свете, но иногда Леонид Андреевич замолкал. Не знаю, о чём он думал в эти минуты, но взгляд его становился другим – очень грустным. Казалось, он вобрал в себя всю боль земли, понять которую может лишь тот, кто пережил её сам. Я всё время думала: что таит этот взгляд, какую судьбу?

В этом году вышла в свет автобиография Леонида Завальнюка «То, что помню...» А я попыталась создать свою версию его биографии. Виктор Шкловский когда-то писал, что «собственная биография образуется тем, что ты помнишь и что ты забываешь. Чужая биография <...> уже труднее, потому что она доходит в обрывках, как запись фонографа». И всё же такая попытка обрисовать облик необыкновенного человека и писателя имеет право на существование.

Я глубоко признательна за помощь в работе Марку Либеровичу Гофману, другу и редактору Завальнюка, а также руководству БГПУ за предоставленную возможность встретиться и пообщаться с Леонидом Андреевичем!

ЛЕОНИД ЗАВАЛЬНЮК: ГРАНИ СУДЬБЫ, ГРАНИ ТАЛАНТА

*И было-то, как не было,
Но это – жизнь моя...*

Во вступлении к сборнику «Стихотворения» (1990) Л. Завальнюк отметил, что у его стихов «сравнительно широкая география». Это действительно так, они – отражение жизни самого поэта, скитавшегося по стране в поисках уголка, напоминающего родину, которую пришлось покинуть в детстве:

Мне чудятся поля, которых я не знал,
Какой-то лес, поля за косогором...
А за миллионы лет от них –
Рожденья моего вокзал,
Где был я высажен угрюмым контролёром.
Куда-то жизнь меня не довезла,
В какие-то края совсем другие.
Не оттого ль порою ностальгия
Отодвигает все заботы и дела?
Не оттого ль порой, бывшее сокрушая,
Минуя все дома и города,
Я в сотнях поездов куда-то уезжаю
И сам с собой прощаюсь навсегда?

Поэт и прозаик Леонид Андреевич Завальнюк родился 20 октября 1930 года в городе Умани Киевской области. Детство провёл в городе Смела, окончил там два класса школы. Мать Елизавета Андреевна, по воспоминаниям писателя, работала директором «ресторана». Но так как в Смеле в те годы не было никакого ресторана, то, скорей всего, это была какая-то столовая или кафе. Отец писателя, Андрей Дорофеевич, служил в уголовном розыске.

Воспоминания о родителях даются писателю нелегко. Его мать никогда не проявляла своих чувств по отношению к сыну. Иногда ему казалось, что она совсем его не любит, как, впрочем, и отца, и что он – ненужный в семье ребёнок. Это не могло не сказаться на мальчике,

ощущавшем себя одиноким, словно он – сирота. В своей автобиографии Завальнюк написал: «Я рос так, как будто у меня – ни отца, ни матери, а только она». «Она» – бабушка писателя со стороны отца. Именно она дарила ребёнку нежность и заботу, читала ему первые стихи.

Когда Л. Завальнюку было около четырёх лет, произошло событие, значение которого мальчик, конечно, осознать не мог. Отца Леонида вместе с семьёй на несколько месяцев послали в командировку в Хабаровск на борьбу с распространением опиума. Так писатель впервые оказался на Дальнем Востоке.

А весной 1941 года у 11-летнего Лени умерла мама... Летом, перед самой войной, отец женился на Елене Климовне Федченко. Это была высокая, крупная женщина с очень властным характером. Ожидать от неё ласки не приходилось, но именно она воспитывала мальчика в самые трудные для Лёньки – и страны – годы. Потом началась война, а дальше – эвакуация: города, сёла, станции... Отца почти сразу призвали на фронт, а Леонид с мачехой два года прожили в эвакопоезде, исколесив почти всю страну. Елена Климовна тогда работала поваром, а пасынок ей помогал.

В 1943-м, после освобождения Украины от фашистов, Л. Завальнюк с мачехой вернулись в Киев. Елена Климовна поселила Леонида в большой нетопленной гостинице, а сама уехала устраиваться на работу в город Калигорку. Оставшемуся в одиночестве подростку пришлось искать способы выживания: он кормился тем, что продавал газеты на еврейском базаре в Киеве. Мачеха вернулась только через месяц и увезла пасынка с собой в Калигорку, где работала следователем. А вскоре Елена Климовна уволилась с работы, купила дом в родном селе Крымки. Правда, чтобы переехать в новый дом, нужно было выработать в колхозе необходимое количество трудодней. И мальчик пошёл на работу. Он боронил, сгребал сено на конных граблях, подвозил снопы к молотилке, носил воду хлебоборам. Зато трудодни были выработаны, и Лёня с Еленой Климовной смогли поселиться в новом доме.

Вскоре с войны пришёл отец. Пришёл, чтобы расстаться с женой, забрать сына и уехать в Винницкую область, в своё родное село Мервин, где царили запустение и страшный голод. Урожая практически не было, кормились тем, что удавалось собрать на пустых колхозных полях. Огромной удачей считалось найти мёрзлые картошины, ведь из них можно было испечь очень вкусные «блины». А семья образовалась большая: Ленка, Андрей Дорофеевич, сестра отца Анастасия, три её дочери и бабушка Мария – мать отца. От голода спасала только корова, но и её кормить было нечем: сначала разбирали на корм соломенную крышу, а когда и эта еда закончилась, кормилицу пришлось зарезать.

Суровая проза жизни, казалось бы, не располагала к поэзии, но именно тогда Леонид Завальнюк написал своё первое стихотворение. А дело было так. Школа, в которую ходил будущий поэт, находилась в шести километрах от Мервина. И однажды, во время очередного долгого пути к знаниям, он сочинил стихотворение. Были там такие строчки:

Поля зарастут бурьянами,
Будет степь целиною лежать.
Ведь не зря говорил нам Некрасов,
– Учись мужика уважать!

Однако, прочитав стихотворение отцу, вместо похвалы Леня услышал: «Что это? Что ты пишешь? Нужно писать то, что чувствуешь по-настоящему. Хочешь есть? Так и пиши: хочу есть!» Этому совету отца поэт следует по сей день.

Радоваться жизни в семье, с отцом, Л. Завальнюку пришлось недолго. Через полгода после переезда в Мервин Андрей Дорофеевич отправился искать работу в Аккерман (название города Белгород-Днестровский до 1944 года), пообещав забрать мальчика вскоре. Но слова своего не сдержал, даже письма от него приходили редко. В те годы Леониду жилось особенно тяжело и одиноко. Обида на отца, ощущение, что он – обуза в огромной семье, угнетали и обостряли чувство одиночества. Не в силах больше ждать вестей от отца, по сути бросившего его, подросток решил строить свою жизнь самостоятельно. Попрощавшись с родственниками, он уехал в Донбасс, в город Никитовка, где поступил в фабрично-заводское училище. Через два месяца Л. Завальнюку был присвоен третий разряд токаря и его отправили на работу откатчиком на шахте. Воспоминания об этом эпизоде жизни лягут впоследствии в основу «стихотворения-извинения» «Шахтёрский конь»:

Конь был слепой. А я не знал,
Ярился на него,
Когда шарахался он вдруг
От храпа своего.
Конь был слепой. А я считал,
Что он лентяй и жох,
Кормил внатруску и мечтал,
Чтоб он скорей издох.
Но выжил он, и выжил я,
Жизнь пощадила нас.

И то, что был калека он,
Я вижу лишь сейчас.
И всё казнюсь, и всё твержу,
Как встретимся во сне:
– Пойми, ведь я не знал, пойми!..
Но он не верит мне.

Во время работы на шахте Леонид получил письмо от родных из Мервина, из которого узнал, что сестра матери, тётя Женя, зовёт его жить к себе в Рубцовск. Но сначала нужно было попасть в Москву, найти её мужа – дядю Митю, и только потом отправляться в Рубцовск. Нелегко было решиться на переезд, ведь нужно было сбежать с шахты, без копейки добираться до Москвы... Но, в конце концов:

...Дымя в ночи, летели поезда.
И на одном из них,
Дорогам счёт открывший,
В рубахе жёлтой я сидел на крыше,
И мне светила дальняя звезда.
(«Ханжонково. Шахта 4/13.1945 год»)

Дядя Митя работал сменным мастером по формовке на Алтайском тракторном заводе, туда же устроился и Леонид. В его обязанности входило разделение кувалдой траков для трактора и аккуратная отбивка литника. Определившись с работой, юноша продолжил учёбу – в ремесленном училище и одновременно в вечерней школе. Правда, пришлось в справке, выданной ему медицинской комиссией, изменить дату рождения – иначе в училище не брали. В результате в паспорте, полученном вскоре, значилось, что Леонид Завальнюк родился в 1931 году, и не в Умани, а в городе Рубцовске. Этим и объясняется путаница при указании биографических данных писателя в разных документах и справочных статьях о нём.

Но вернёмся к временам работы на заводе, ведь именно тогда произошло такое значимое для Леонида Завальнюка событие – в заводской газете впервые напечатали его стихотворение. Вот как он вспоминает об этом: «Однажды шёл по улице, и в голове стали появляться какие-то строчки, слова. Как будто кто-то диктует. Я побежал на почту и на обратной стороне телеграфного бланка записал всё это. Глянул – и сам удивился: стихи. На территории завода была многотиражка. Я отнёс туда своё творение. Там меня стали допрашивать: откуда я списал? А через два дня напечатали. Можете представить мой восторг, когда я увидел свои стихи в газете. Ну, думаю, раз так быстро печатают, надо ещё что-нибудь написать. Накатал шесть стихотворений. Принёс. Не взяли. Написал ещё четыре штуки. Опять понёс, опять не взяли. Но с тех пор я был заражён этим делом» (из интервью газете «Амурская правда» в марте 2004 года).

Через два года после поступления в училище Завальнюк получил четвёртый разряд фрезеровщика, но на этом учёба не закончилась. От училища парнишку направили на обучение в группу токарей в промышленный техникум трудовых резервов, располагавшийся в пригороде Новосибирска – Кривошёково. А там – при

клубе Клары Цеткин – работало литобъединение, к которому Леонид сразу же примкнул. Занятия в нём проходили в виде бесед, во время которых обсуждались стихотворения того или иного начинающего автора. Это была хорошая поэтическая школа, помогающая понять своё и чужое творчество, оценить его. Тогда же, во время занятий в литобъединении, Л. Завальнюк впервые задумался о том, что такое вдохновение, когда оно приходит и что делать, если его долго нет. Ответ на этот вопрос ему помог найти Борис Пасман, такой же начинающий поэт. Он сказал, что нужно работать. Не важно, пишется или нет, нужно садиться и писать, ну или хотя бы пытаться это делать. Иначе, когда придет вдохновение, не хватит мастерства, чтобы совладать с ним. Эти слова товарища глубоко запали в душу Леонида. С тех пор, где бы он ни был, «мысль всегда в работе».

Окончить техникум юноше не удалось. В 1951 году его призвали в Советскую Армию и отправили на Дальний Восток в артиллерийскую часть на станции Среднебелая – вычислителем-артиллеристом. Здесь в двух газетах («На боевом посту» и «Суворовский натиск») стали печатать его стихи. И здесь же – по сути – началась судьба Завальнюка-поэта. Всё получилось случайно: амурский поэт Константин Овечкин, прибывший по делам в их часть, забрал все стихи Завальнюка, чтобы некоторые из них напечатать в альманахе «Приамурье». Но на страницах этого издания они так и не появились. Редактор недавно открывшегося в Благовещенске Амурского книжного издательства, будущий друг и издатель Леонида Завальнюка, Марк Либерович Гофман, разглядел в рукописных строчках младшего сержанта несомненное присутствие таланта. С его мнением согласились все работники издательства. «Мы просто не ожидали такого уровня, – вспоминал позже Марк Либерович. – Там была такая внутренняя сила, энергия строки, что меня это поразило. Мы позвали его в издательство и уже через год, в 1953 году, выпустили первую книгу его стихов – «В пути».

По ходатайству издательства Завальнюка перевели на службу в Благовещенск, в газету «На боевом посту», где он работал резчиком бумаги и одновременно кладовщиком. «Меня поставили крутить рулоны для бумаги, – рассказывает Леонид Андреевич, – и вместе с этим я должен был ещё считать количество выпущенных листов. Так как работа не предусматривала свободного времени для творчества, я приспособил к аппарату цифровой счётчик от печатной машинки. Таким образом, листы считались автоматически, а у меня появилась возможность думать и писать» (из личной беседы с Л. Завальнюком).

Служба закончилась, и снова хотелось учиться. А как продолжать образование, если так и не удалось получить аттестат об окончании средней школы? Вот и окончил Завальнюк экстерном благовещенскую школу № 1 и поступил в Литературный институт имени М. Горького в Москве. Начался новый, очень важный период жизни. Но прежде начинающий литератор съездил на Украину к отцу. Они не виделись долгие годы, и так получилось, что их встреча оказалась последней. Через шесть

лет Андрей Дорофеевич утонул. Когда Леониду Завальнюку исполнилось шестьдесят, ровно столько, сколько было его отцу в момент гибели, он написал:

Прости, отец. Расти, тоска, и пой!
Мне кажется порой, что ты – сама разлука.
То клёном, то ольхой, высокий, как слепой,
Бредёшь сквозь лето и кричишь без звука.
Куда б ни шёл, на этот крик иду.
Черёмуха в дыму иль белым снегом вьюга.
Иду и говорю:
– Настало время встретиться. Жизнь к январю.
Мы – равностарые, отец.
И мы поймём друг друга.

В институте Завальнюк посещал семинары П. Антокольского, Л. Ошанина, Б. Ромашова. Работал в военной газете «Тревога» (редактировал отдел «На досуге»), печатался в альманахе «Приамурье моё», газетах «Амурская правда» и «Амурский комсомолец». На курс старше его постигали литературное мастерство Е. Евтушенко, Р. Рождественский, Б. Ахмадулина.

В отличие от братьев по перу, Леонид редко появлялся на поэтических встречах, не стремился к славе и никогда не относил себя ни к одному литературному течению. Он вообще против объединения художников слова в какие бы то ни было группы, ведь, по его словам, «литература не терпит групповщины – она индивидуальна!»

В Литературном институте Завальнюк учился два года на очном отделении, потом перевёлся на заочное и уехал жить в Благовещенск, где некоторое время работал редактором Амурского книжного издательства. Сначала жил в гостинице «Амур», затем в деревянной хибаре на улице Калинина.

С Благовещенском Завальнюка связывает очень многое. Именно этому городу писатель подарил своё сердце, именно этот город стал его второй родиной, куда уже много лет, живя в Москве, он возвращается, чтобы работать. «Работается мне здесь как нигде, – отметил Л. Завальнюк в своей статье в журнале «Юность» за 1982 год. – <...> Мне кажется, я нахожусь во внутренней гармонии с этой землёй – степь, среди которой возникают сопки, – она близка мне, как мелодия, по интонации». Городу Благовещенску и реке Амур Леонид Завальнюк посвятил много стихотворений:

Где две реки, как две руки,
Сошлись в рукопожатье,
Над величавою водой
Раскинут город молодой –
Старинный мой приятель.
У города хороший вкус,
Он не гигант, сказать по чести.
Но каждый дом и каждый куст
В нём удивительно на месте...
Я много видел городов,
Я всем им благодарен,
Но чувство Родины, земли,

Сочувствие природы
Впервые мне открылось здесь.
Должно быть, весь,
Таков, как есть,
Сложился я в те годы...

Ю.И. Кашук (Полищук), известный литературовед и писатель, в начале 80-х служил во Владивостоке замполитом на рыболовецком траулере. И однажды в книжном магазине он купил сборник стихов Завальнюка «Поле-половодье» (1970). Прочитав первые четыре стихотворения, Юрий Иосифович закрыл книгу и сказал: «Я буду читать по одному стихотворению в день, потому что эти стихи нельзя читать, их надо впитывать» (по воспоминаниям М.Л. Гофмана). А что, как не это, является доказательством высокого качества поэтического мастерства – признание и любовь «квалифицированного читателя», чьё мнение, не в пример обыденному, взыскательно.

В 1960 году, находясь от издательства в командировке в Москве, Леонид Завальнюк в доме своих друзей – профессиональных художников Лёвы Мильчина и Тамары Палетика – встретил свою третью жену Наташу. Первый раз Леонид Завальнюк женился до отъезда в Литературный институт, но браком в полном смысле этого слова получившийся союз назвать было сложно. Её звали Нина, они вместе работали и иногда встречались. Практически в день своего отъезда в Москву он узнал, что она ждёт ребёнка. Что можно почувствовать в такой момент? Растерянность, а может, даже панику, но чувства чувствами, а решать что-то нужно было быстро. В этот же день они расписались. Но продолжительным этот брак не был. Через год они развелись, и почти сразу же Завальнюк женился во второй раз. Его избранницей стала сокурсница Рита Шипош. Родилась она в Трансильвании и была наполовину венгерка, наполовину румынка. Союз был поистине творческим. Она писала рассказы, очерки, а Леонид переводил их на русский язык. Совместно они выпустили при Амурском издательстве «Румынские сказки», начали работу над «Цыганскими сказками», но так и не закончили проект. В отличие от первого, второй брак основывался на взаимной любви, но долгим он не стал. Рита хотела жить в Бухаресте, а Леонид в Благовещенске. Уступать не хотел никто, поэтому пришлось расстаться. Через несколько лет подобная ситуация возникла и в его отношениях с третьей женой Наташей. Она не мыслила себя без Москвы, и Завальнюк снова оказался перед выбором. Нельзя сказать, что решение далось ему легко, но повторять прошлые ошибки не хотелось. В Москве писатель целиком посвятил себя литературе. Печатался в журналах «Юность» и «Новый мир». Очень скучал по заводу, хотел даже снова устроиться туда на работу, но посчитал, что это будет неправильным, ведь уже тогда он решил полностью отдаться творчеству.

В Союз писателей Л. Завальнюка приняли в 1962 году. «Когда собрался вступать в Союз писателей, неожиданно появились препоны. Обвинили в членстве кружка любителей стихов Пастернака. Ещё одна серьёзная претензия – «отсутствие прописки». То есть – мало

в творчестве отражены местные мотивы. Амурские поэты непременно должны писать об Амуре, курские – о Курске...» (из интервью «Амурской правде» в феврале 1997 года). Но талант пропиской не охватишь, и в конечном итоге формальные препоны были преодолены.

Так писатель по призванию стал писателем с признанием – официальным. Но самое главное признание – читательское – пришло к Леониду Андреевичу ещё в те первые годы в Благовещенске. И тогда же у поэта появились первые критики. Среди прочего они говорили об особенностях его стиля, языка. Каковы же составляющие неповторимого творческого почерка Л. Завальнюка? Зададимся этим вопросом и мы, читатели и критики сегодняшние.

Размышления о поэтическом предназначении, о поэзии вообще – постоянная тема творчества Завальнюка. К собственным стихам он относится как к детям, именно поэтому не делит их на любимых и не любимых – они ему одинаково дороги. Сам же процесс создания воспринимает как таинство. Поэт «не должен придумывать тему, мысль, а потом воплощать её в слова, ведь это, своего рода, переводные стихи. Поэт вправе мыслить только в момент писания» (из личной беседы с Л. Завальнюком). Себя Леонид Завальнюк оценивает с этой же позиции. «Я человек не рассуждающий, – скажет он 23 марта 2004 года на аспирантском объединении в БГПУ и пояснит: – то есть рассуждения у меня в голове. Я рассуждаю только при помощи стихов и размышляю при помощи стихов. Вот когда я сажусь и начинаю выводить строчки, допустим, пишу поэму, я чувствую, что строю её таким образом, чтобы вскрывать какие-то вещи, которых не осознаю, которые очень важны и которые во мне очень глубоко существуют». Этот взгляд близок античному представлению о поэте как посреднике между человечеством и богами. Поэтому настоящий талант всегда, что называется, отмечен свыше.

Задача настоящего поэта, по мысли Леонида Андреевича, – «давать ощущение, что завтра есть, и делать так, чтобы наш плоский век был объёмным». Именно поэтому, наверное, важным для каждого поэта является мотив надежды. Вот и в собственном творчестве этот мотив Завальнюк обнаруживает постоянно, связывая его с деятельностью поэта: «У меня есть строчки: «Нигде не ждут пророка так, как ждут его в России, равно и в гиблые и в благодатные года». Этим ожиданием порождены многие мои стихи. Иногда они лёгкие, шуточные. Иногда горькие, почти безысходные. Но полной безысходности в них нет. Надеюсь, нет. К безысходному искусству отношусь, как и принято, терпимо. Но где-то в глубине души не люблю его и не понимаю» (из вступительной статьи Л. Завальнюка к сборнику «Стихотворения»).

Мысль о необходимости существования надежды в жизни человека поэт выразил и на открытии ежегодной учительской конференции БГПУ 26 апреля 2004 года: «Только то, – сказал он, – что даёт надежду, способно делать нас лучше, чем мы есть». Это действительно так. У Леонида Завальнюка есть стихи, которые по праву можно назвать жёсткими, но оставлять читателя без на-

дежды он всегда считал неправильным. Так, когда-то Завальнюк начал писать поэму «Смутное время» («Ой, как ныне зажили на Руси»), но остановился. Слишком уж безнадежная получалась картина. Так поэма и вышла неоконченной: в виде стихотворения. Зато светлых стихов у Л. Завальнюка много. Они – о добре, красоте, искренности, любви. Ведь любовь – главная движущая сила творчества, источник вдохновения, то, ради чего стоит жить на земле. Причём любовь не только к женщине, но и к любому человеку, к родной земле, к природе:

Любовь во всём, чем славен свет,
Что нам дано изведать.
Она и в том, что есть ответ,
И в том, что нет ответа,
Она далёкие края
И сон о них тревожный...
Любовь есть форма бытия
Души живой и сложной.
И только с нею мир велик –
Тот мир, что правдой света
До самой смерти не велит
Считать, что песня спета!
(«Осень на Амуре»)

Задумчиво-лирическая, эмоциональная поэзия Леонида Завальнюка, с неповторимо грустным юмором и доброй иронией, отмечена глубокими раздумьями о жизни. Поэту есть что сказать читателю о космосе, природе, людях. Его взору открыты пространства, лежащие за гранью человеческого разума. Чувство растворённости в мире – не иллюзия, а показатель безграничных возможностей удивительно одарённого человека. «Я» – это вовсе не я», – скажет Завальнюк в стихотворении «Вместо извинения»:

«Я» – это чтобы проще говорилось.
«Я» – это всё:
Дорога и трава,
Троллейбус и старушка на перроне,
И грустный заблудившийся казах,
И маленькая модница в перлоне
С бездонными слезами на глазах.

В этих строках передана универсальность авторского восприятия окружающего мира, слитность поэта со всем живущим на этой земле. Вот почему его лирика так многогранна. Стараясь писать доступно и просто, вдумываясь в то, что происходит вокруг, Завальнюк уделяет внимание каждой мелочи. Ведь жизнь во всех её проявлениях никогда не увидит скользящий взгляд странника, а истина складывается как раз из тех мелочей, на которые мы редко обращаем внимание.

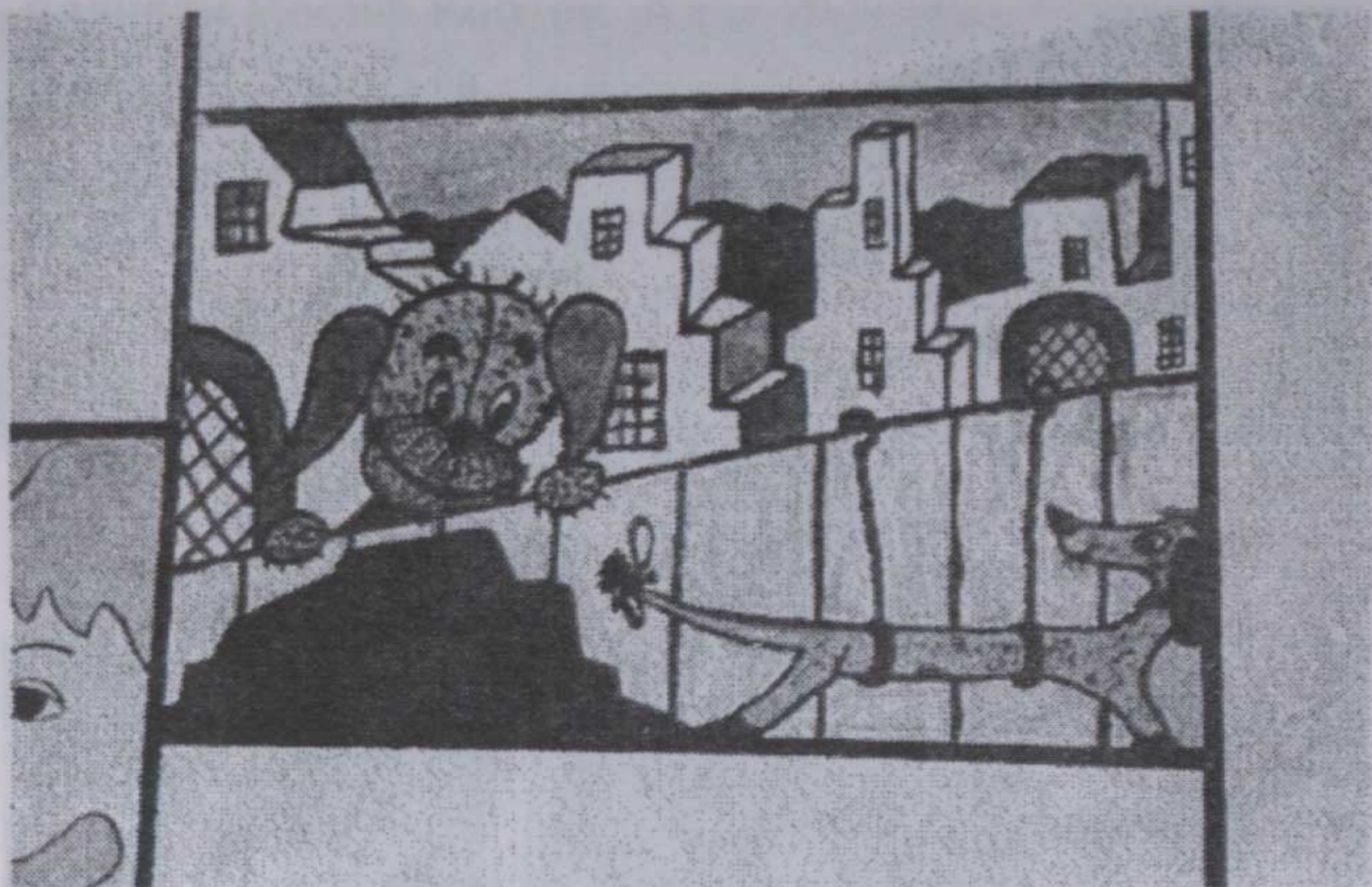
Многое в мироощущении поэта идёт от связи с родной землей. От неё он черпает силы для жизни и творчества, ей отдает своё сердце: «Родина живёт в моём «Люблю!»», – так называется одно из стихотворений Леонида Завальнюка, и уже в этом заглавии заключена та бездна чувств, которую сложно передать словами.

Важной особенностью творчества Завальнюка является юмор. Он не только помогает наладить общение с читателем, но и высвечивает серьёзность поднимаемых проблем. «Шутки шутками, / А Бобик сдох», – сообщает поэт в начале одного из своих стихотворений, и вряд ли найдётся кто-нибудь, кто не улыбнётся в ответ. Повода же для улыбки в стихотворении нет. Оно – о людском предательстве, которое страшнее смерти, о том, как в погоне за внешним блеском мы стали забывать об истинных ценностях: добре и любви. Именно юмор помогает Леониду Завальнюку сражаться с высокомерием, практицизмом, жестокостью, равнодушием, эгоизмом. Об этом стихотворения «Юбилейное-Блоковское», «К вопросу о литературных спорах», «Рассказ живописца», «А тётя выпивши. Не трогайте», «Бедная Лиза» и другие.

Думается, можно назвать главные для всего творчества Завальнюка слова. Это «сиротство», «дорога», «любовь», «лошадь», «небо», «земля», «вода». Неоднократно используемые поэтом в стихотворениях, они поворачиваются к читателю различными семантическими оттенками. Так, сиротство – понятие многозначное, но в любом случае оно связано с понятием одиночества. С одной стороны, сиротство – это одиночество в прямом смысле слова, когда человек находится один на один с собой: нет родителей, нет друзей, нет знакомых. С другой, человек может быть одиноким даже в окружении множества людей, в том числе и родителей. В этом смысле сиротство – состояние души. Сам поэт не видит «негатива» в сиротстве подобного рода, ведь именно «в мгновения душевного одиночества вечность человека и его сиротство во Вселенной сливаются воедино», чтобы придать сил для борьбы с жизненными трудностями. И, наконец, сиротой личность себя ощущает тогда, когда понимает, что рядом нет «родственной души» – человека, который тебя всегда поймёт. Весьма символичным в этом отношении является использование Л. Завальнюком в лирике парных образов: два сердца, две слезы, две лошади, два сна, две судьбы, две тоски и т.д. Они – противопоставленный одиночеству символ родства, единства, дружбы кого-то с кем-то, чего-то с чем-то. Ведь главное в жизни:

Ощущение брата –
Ощущение в каждом,
Кто надежду питает.
Этих каждых немного,
Но для жизни хватает.

Важная особенность поэтического творчества Завальнюка – мелодичность. И это свойство стихов закономерно вызвало к жизни ещё одну творческую ипостась Леонида Андреевича как поэта-песенника. Сотрудничать с композиторами (Е. Лыткиным, А. Ривлиным, Г. Пиджуковым, Н. Лошмановым, В. Пороцким и другими) он начал ещё в Благовещенске. В соавторстве с А.Г. Ривлиным, прекрасным журналистом и музыкантом, родились такие песни, как «Величавый Амур», «Могила партизана», «Партизанские тропы». В Москве работа с композиторами продолжилась. Песни на стихи Завальнюка зазвучали с киноэкрана и эстрады. Их ис-

*Такие рисунки украшали стены квартиры
Л. Завальнюка в Благовещенске*

*С сотрудниками Амурского книжного
издательства*

В годы службы в Советской Армии

Один из портретов 60-х годов

С амурскими писателями

*С М.Л. Гофманом у здания Амурского
книжного издательства (ул. Калинина)*

Та самая избушка-«завальнюшка»

На творческом вечере в БГПУ 31.03.2004 г.

На кафедре литературы БГПУ

полняли Иосиф Кобзон, Алла Пугачёва, София Ротару, Валерий Леонтьев.

Большой творческой удачей стала встреча Леонида Завальнюка с Михаилом Саульским, джазменом, руководителем знаменитого оркестра «ВИА 66» и начинающим тогда композитором. Поэт вспоминает: «На радио он (Саульский. — Ю.Г.) приходил и говорил (смеётся): «Где мне найти такую песню?», «Где мне найти такого автора?» А я приходил и говорил: «Где мне найти такого композитора?» Наконец, Маша Журавлёва (это дочь знаменитого чтеца Журавлёва, которая работала на радио) мне говорит: «Слушай, что вы ходите один с одной стороны, другой с другой. Давайте я вас познакомлю!» И она нас познакомила. Он тогда делал какой-то не полнометражный, небольшой фильм, и к нему нужна была песня. Мы поговорили, что вот ему нужна песня, а потом я пошёл домой, посмотрел свои заготовки и нашёл её. Она называлась «Река моя». Это была первая песня, которую мы написали вместе.

Фильм лёг на полку, не вышел. Вот это была наша первая работа. Потом дальше — больше. На мой взгляд, нашей безусловной удачей стала песня «Не покидает нас весна». А другой удачной песней, я имею в виду себя, потому что у него есть и другие замечательные песни на стихи других авторов, была «Осенняя мелодия» в исполнении Т. Рузавиной и С. Таюшева, ставшая хитом того времени» (из интервью Амурскому телевидению в 1997 году). Многие до сих пор помнят слова этой песни:

Звенит высокая тоска,
Необъяснимая словами,
Я не один,
Пока я с вами,
Деревья, птицы, облака...

Но живёт в поэзии Завальнюка музыкальность и другого рода. Сам автор охарактеризовал её как «музыку жеста». Так называется и один из сборников поэта, вышедший в 2002 году. Жест, по словам Леонида Андреевича, «не такой, которым регулировщик останавливает машины, а жест внутренний». Иными словами, жест — это движение души, порыв к действию. Поясняя смысл «жеста», Завальнюк рассказал историю, которая произошла с ним в электричке: «Жара была градусов тридцать с чем-то. Электричка была набита людьми, и я вышел в тамбур, где мне удалось пробиться к разбитому окну. Стою возле него, блаженствую. А где-то сбоку от меня стоит не очень трезвый человек средних лет. Я вижу, что он уже изнемогает. В электричке и трезвому тяжело, а уж пьяному тем более. Я немного отодвинулся, а его стал подталкивать к окну, чтобы он смог дышать свежим воздухом. И вот дышит он, дышит, а мы едем, едем. Наконец, ему выходить. Он пошёл было, но потом вернулся. Полез в боковой карман, вытащил огурец и сказал: «Вот, больше у меня ничего нету» (из разговора на аспирантском объединении в БГПУ 23 марта 2004 года). Душевный порыв, побудивший мужчину вернуться, чтобы отблагодарить Леонида Завальнюка за понимание, и есть то, что писатель назвал «жестом».

Наблюдения за внутренним жестом всегда занимали важное место в художественном мире Завальнюка. Так, в своих произведениях, будь то повесть или стихотворение, Леонид Андреевич главным считает не персонажа, а отношения, складывающиеся между ним и другими людьми: близкими родственниками, друзьями и т.д. Это объясняется стремлением писателя передать то, что лежит в эмоциональной сфере, во внутреннем мире, содержащем целый комплекс ощущений, «жестов». Передать внутренний «жест» непросто. Для этого Леонид Завальнюк обращается к живому разговорному языку, продолжая, по собственному признанию, традицию Крылова, несомненного мастера диалогически непринужденной речи.

Необыкновенно сложно осмыслить всё богатство творческого дарования Л. Завальнюка. Диапазон его исканий широк: поэзия, проза, драматургия. Помимо сотрудничества с композиторами и певцами, Завальнюк работает в кинематографе и мультипликации. По его повести «Дневник Родьки — «трудного человека» (1964) в 1966 году был снят художественный фильм «Человек, которого я люблю», ставший одним из лучших в советском кинематографе. В соавторстве с С. Кулешом написан сценарий к фильму «Развлечение для старичков» (1976). На основе ряда детских рассказов Завальнюка, по его сценариям, снято несколько мультипликационных и художественных фильмов: «Зеркальце» (1967), «Волшебная палочка» (1972), «Коля, Оля и Архимед» (1972) и другие, а также мультипликационный сериал «Рассказы старого моряка» (1970), «Рассказы старого моряка. Необитаемый остров» (1971), «Рассказы старого моряка. Антарктида» (1972).

В последнее время Леонид Завальнюк много пишет для детей. Его рассказы наполнены необыкновенной добротой, отличаются изящным стилем и богатым языком, а созданные им азбуки отличает качественно новое содержание: азбука не только знакомит детей с буквами, но и является одновременно книжкой для чтения с небольшими сюжетами (теперь эту идею широко используют многие издательства).

Помимо таланта поэта и прозаика, Л. Завальнюку присущ ещё и дар художника. Пятнадцатилетним мальчиком он обратил внимание, что жители деревеньки покупали в аптеке плакаты с надписями «Не пей сырой воды», «Берегись дизентерии» и другими. Причина подобного спроса оказалась простой: красочно нарисованные бактерии хоть как-то украшали пустые стены деревенских изб. Леонид подумал: «А почему бы мне не попробовать что-нибудь нарисовать? Если люди покупают плакаты, возможно, они купят и мои картинки?» И действительно, нарисованные с помощью зелёнки, йода, марганцовки, отвара луковой шелухи Царевны-лягушки, Иван-царевичи и Царевны-лебеди быстро находили своих покупателей.

В следующий раз Л. Завальнюк обратился к живописи уже в Благовещенске. На вопрос, что побудило его к этому, Леонид Андреевич ответил: «Я начал рисовать, грубо говоря, по бедности. Долгое время в Благовещенске я жил на улице Калинина в избушке, которую назы-

вал «завальюшкой», потому что она заваливалась (впоследствии друзья поэта ласково прозвали избушку «завальнюшкой». – Ю. Г.). А потом от газеты, в которой я работал, мне дали однокомнатную квартиру в Милицейском переулке. Она была такая хорошая и такая пустая, что вызывала у меня, с одной стороны, восторг, а с другой – тоску. Нужно было её как-то обживать, а денег на мебель не было, поэтому я решил её разукрасить. На одной стороне я гуашью нарисовал персидский ковер, а на другой – огромное многофигурное панно. Потом купил шесть табуреток, круглый стол некрашенный и шкафчик. Подумал, раз на стенах выглядит неплохо, значит, будет неплохо выглядеть и на мебели. Сначала я расписал шкафчик, потом всё остальное. Расписал и титан, на нём я нарисовал жирафа» (из личной беседы с Л. Завальнюком). Преобразившаяся квартира, как и сама идея её обустройства, очень понравились всем друзьям и знакомым Леонида Завальнюка.

К слову сказать, расписанный Леонидом Андреевичем шкафчик до сих пор можно увидеть у Марка Либеровича Гофмана, который бережно хранит и множество других работ своего друга: разрисованные досочки и небольшие картинки – «марки», как называет их сам поэт. Кстати, когда-то на одной из стен в квартире Марка Либеровича Леонид Андреевич нарисовал целую библиотеку: шкафы, заполненные книгами. Был и такой случай. В Благовещенск на поиски исполнителя главной роли в фильме по повести Л. Завальнюка «Дневник Родьки – «трудного человека» приехала съёмочная группа во главе с режиссёром Юлием Карасиком. Когда он пришёл к Леониду Завальнюку в гости и увидел «нашкафное» и «настенное» творчество поэта, то воскликнул: «Это нужно заснять!» Фотографии, сделанные тогда оператором, хранятся у Леонида Андреевича как память о том времени.

Всерьёз же Л. Завальнюк начал заниматься живописью, когда заболела его жена Наташа. После смерти матери она впала в сильную депрессию, и, чтобы порадовать её, Леонид, по его же воспоминаниям, начал рисовать небольшие картинки. Это начинание переросло в хобби, а хобби – в серьёзное увлечение. Идею о выставке картин, которых со временем набралось довольно много, Завальнюку подала приятельница друга. И через три года в Нью-Йорке, в музее Рериха, прошла первая выставка живописных работ, на которой также были представлены и некоторые переведённые на английский язык стихи Л. Завальнюка. Вторая выставка состоялась в Благовещенске, третья – в филиале Пушкинского музея Москвы, четвёртая – в Париже и пятая – снова в Благовещенске. Хочется отметить, что поэт выступил иллюстратором и некоторых своих книг.

Оригинальность манеры Завальнюка-художника самим автором определяется как «неконкретный реализм»: «на моих, так называемых, «полотнах» нельзя разобрать, где берёза, где дуб растёт, но видно, что это дерево. Знак реки, знак чего-то... И для меня самое важное – ухватить настроение какое-то. Иногда от пейзажа бывает настроение абсолютно неземное, какое-то космическое состояние, такое вот есть в воздухе, во всём. Если мне

удаётся это схватить, значит, что-то у меня там получается» (из интервью Амурскому телевидению в 1997 году). Вот и называет свои картины Завальнюк «Знаками». А поклонники его творчества видят в них «следы космического присутствия», «завораживающую космическую музыку», «картины про наши сны и мысли» (из альбома впечатлений о выставке картин Л. Завальнюка на кафедре культурологии БГПУ в марте 2004 года). Техника создания картин называется монотипией, заключается же она в следующем: на стекло выливается, в соответствии с неясным ещё замыслом художника, краска. Сверху накладывается лист бумаги, и всё это аккуратно «перетискивается» (термин самого поэта). Затем автор находит понравившийся ему образ в получившейся цветовой палитре и дорисовывает его.

Богатство творческих ипостасей Леонида Завальнюка идёт от богатства его личности. А потому девиз писателя: «Один день жизни – тоже жизнь!» Ведь жить нужно в полную силу, не откладывать ничего на завтра, так как это будет уже новый день, а значит, новая жизнь, наполненная другими, не менее интересными событиями. Нужно верить в себя, свои силы, не слушать ничьих советов, а только своё сердце, не бояться ошибаться, строить жизнь по собственной воле. Только так, по мнению Завальнюка, можно обрести себя и свой путь в этом мире.

На вопрос своего редактора М.Л. Гофмана: «Что было бы, если бы ты знал твёрдо, что всё, что ты пишешь, никогда не увидит света?» – Леонид Завальнюк ответил: «Писал бы! Ведь если получилось так, что Бог дал мне такое, значит, это кому-нибудь нужно, а это уже достаточный стимул для творчества». Так мог ответить только человек состоявшийся, человек цельный, человек счастливый. Он дарит людям надежду, добро и радость. Достаточно хоть раз прикоснуться к его творчеству, чтобы понять, насколько близок писатель каждому живущему на этой земле, потому что он «в каждой слабости, в каждой силе, в каждом сердце прописан...»

Уже перед самым отъездом Леонида Андреевича из Благовещенска я спросила, что бы он пожелал человеку.

«Человеку я желаю высоты, которая его никогда не покинет. Как он её добьётся, как он её достигнет, я сейчас не буду говорить, да это вообще для меня и не важно. Он может быть пишущим, может быть читающим, может быть учёным, может быть кем угодно. Есть разные пути, и я их не различаю, и, в общем, они мне безразличны. В моём стихотворении «Пророка жду» есть строчки: «Притом, что Бог один, / У каждого свой Бог». Так вот, когда я желаю человеку высоты, я желаю ему высоты собственной, то есть нахождения, условно говоря, не просто Бога, а своего Бога, своей высоты. Тем самым, я желаю ему полного осознания самого себя, полного самоощущения. Это, с моей точки зрения, очень важные вещи, потому что есть множество людей, которые живут не собственным путём, не по собственной душе, не по собственной конструкции внутренней. То есть своего Бога они или не ищут, или не смогли найти. Вот я и желаю им этой высоты, своей собственной высоты. Как я уже говорил, мне легче размышлять с помощью стихов, поэтому прочитаю строки из одного своего стихотворения:

На чужой высоте не прожить.
Небеса мои низко над светом.
И когда забываю об этом,
Ничего я не знаю про жизнь.
Ускользают приязней огни,
Словно рыба из прорванной верши,
И, бывшее считая умершим,
Я не вижу грядущие дни.

Есть полёт в надземные края,
Где нездешние сны и печали,
Есть судьба высоты изначальной,
Только это судьба не моя.
И чтоб вольно парить в вышине,
Надо мне молчаливо и немо
Поднимать свое низкое небо
Вместе с жизнью, доставшейся мне».